

ПОГИБЬ ИЛИ?

29 августа 1980 года, Алма-Ата. Торжественное заседание. Телепрограмма «Время» крупным планом показывает Л. И. Брежнева. Его приветствует Машеров. И тут происходит нечто беспрецедентное — генсек-маршал отворачивается с гримасой нескрываемого неудовольствия и раздражения.

А 4 октября 1980 года Машерова не стало — погиб «в результате автомобильной катастрофы», как было сказано в официальном сообщении.

Вехи жизни Петра Мироновича почти полностью вмещаются в сугубо энциклопедические данные. Родился в 1918 году в деревне Ширки, ныне Сенненского района Витебской области. Герой Советского Союза (15.08.1944), член КПСС с 1943 года. Окончил Витебский пединститут, учитель физики и математики. С начала Великой Отечественной войны возглавлял подпольную комсомольскую организацию и был одним из руководителей партизанского движения в Россонском районе Белоруссии. Командовал партизанским отрядом им. Щорса, был комиссаром партизанской бригады им. Рокоссовского. С ноября 1943 — первый секретарь Вилейского подпольного обкома ЛКСМ Белоруссии. В 1944—1946 гг. первый секретарь Молодечненского обкома, в 1946—1954 секретарь, затем первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии. Был секретарем Минского обкома, а затем первым секретарем Брестского обкома КП Белоруссии. С марта 1965 г. первый секретарь ЦК КП Белоруссии.

С апреля 1966 года кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, с 1966 г. член Президиума Верховного Совета СССР. Награжден 5 орденами Ленина, а также медалями.

Непосредственным предшественником

П. Машерова на посту первого секретаря ЦК Компартии был Кирилл Мазуров. До этого их жизненные пути шли рядом, а еще точнее, дорога на протяжении многих лет была одна. В 1942 году Мазуров был направлен во вражеский тыл Центральным штабом партизанского движения, одновременно он был секретарем подпольного ЦК ЛКСМ Белоруссии. Машеров же незадолго до этого организовал партизанский отряд имени Щорса, действовавший в лесах Витебщины. Позже в своей книге «Незабываемое» Мазуров напишет: «Жизненный путь, вся трудовая деятельность П. М. Машерова после войны — это путь преданного Родине и партии коммуниста. Его всегда отличали честность и принципиальность, большое трудолюбие, упорство в достижении цели, общительность и чуткость в обращении с людьми». Спору нет, честность и принципиальность присущи миллионам людей. Но здесь, в партизанском краю, каким была в годы войны вся Белоруссия, эти душевные качества проходили особую закалку.

Лишь однажды запечатленная пред глазами всей страны брежневская гримаса высочайшего неудовольствия, конечно, выражала отношение не к одному только Машерову. В беседе с корреспондентом «Советской России» (19 февраля 1989 г.)

К. Мазуров коснулся причин своего выхода из Политбюро в 1978 году. Получив закрытую информацию о спекуляциях дочери Брежнева во Франции, «напомнил, что его авторитет — это наш общий авторитет. Он резко отчитал меня — не лезь не в свое дело. И по другим поводам стычек было немало. Наконец, однажды мы сказали друг другу, что не хотим работать вместе. Я написал заявление...»

9 сентября 1987 года беседа с К. Мазуровым опубликовала «Комсомольская правда». На вопрос Ядвиги Юферовой: «Как удавалось вам в свое время уберечь Белоруссию от циркулярных «перегибов», которые шли сверху?» — Мазуров ответил: «Мне, да и многим другим партийным работникам в Белоруссии, повезло на учителей — по-государственному мыслящих, умных руководителей, хороших людей». И назвал Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии, одновременно с 1942 года возглавлявшего Центральный штаб партизанского движения. Вот она, живая преемственность борцов, людей долга и чести!

К каким же последствиям, однако, приводило порой высочайшее неудовольствие? Не при сталинщине (тут все почти однозначно) — при брежневщине? Когда

нет прямых доказательств (или они неизвестны), особое значение обретают свидетельства живых современников.

2 сентября 1989 года в «Правде» опубликована статья В. Черткова «Почетный гражданин». Опубликована, на мой взгляд, под очень точной рубрикой — «Люди поступка». Статья эта об Эдуарде Болеславовиче Нордмане — почетном гражданине города Пинска, белорусском партизанине, впоследствии председателе КГБ Узбекской ССР. Активному участнику событий, ему приходилось общаться с П. Машеровым, К. Мазуровым, Ю. Андроповым, А. Косыгиным, Ф. Кулаковым и другими государственными деятелями, оставившими неизгладимый след в его жизни. В период работы в Узбекистане Нордман ближе других соприкоснулся с рашидовщиной. Это зловещее и злокачественное явление еще не стало нарицательным понятием, но уже расцветало полным цветом. Однажды пришлось выступать на республиканском партийном активе в Ташкенте. «Сказал, что хотел, обдумывая ночами свое выступление... получилось без намеков и экивоков достаточно ясно, чтобы стать врагом Рашидова. Даже Андропов не удержался и сказал, может, в следующую секунду пожелает об этом: «И что ты вылез на трибуну... Ты мне живой нужен в Узбекистане».

Председатель КГБ СССР ходил меж двух замов, Циневым и Цвигуном — глазами и ушами Генерального, и, конечно, пойти в открытую на заступничество, когда дело касалось брежневского любимчика, не мог».

Его упреждающая тревога меж тем не была напрасной. Статья содержит и свидетельство самого Нордмана: «Не все молчали. Писали, говорили. Например, с трибуны Ташкентской областной партконференции в 1965 году Т. Усманов во весь голос заявил о творимых безобразиях в республике. В результате Рашидов отделался микроинфарктом, оратор исчез с общественной арены. Первый секретарь Ташкентского обкома партии, член бюро ЦК КП Узбекистана М. А. Абдураззаков надолго оказался в опале и погиб при загадочных обстоятельствах».

Однако цепь сопоставлений, лежащих в одной плоскости, и здесь не обрывается. 15 июля 1989 года в «Комсомольской правде» — беседа с Л. Игнатовым, сыном бывшего члена Президиума ЦК КПСС Н. Игнатова. В ней, в частности, воспоминания о завершении жизненного пути ветерана: «Вернувшись из Чили, куда его неожиданно направил Брежнев во главе партийно-правительственной делегации, он, до того совершенно здоровый человек, вдруг заболел какой-то загадочной болезнью и вскоре умер. После этого в партии не нашлось ни одного смельчака, который отважился бы выступить против разражавшего страну режима Брежнева».

На фоне многого известного сегодня утверждение, что «в партии не нашлось ни одного смельчака», выглядит явным преувеличением. Иное дело — сопоставимость конкретных ситуаций, индивидуальных позиций, человеческих судеб.

сегодняшней жизни республики. Белорусский музыкант с глубоким уважением говорил о Машерове, о его энергии и комментентности, о его внимании к людям и стремлении к укреплению в республике атмосферы честного, созидательного труда. Незадолго до этого была удовлетворена просьба К. Мазурова об освобождении его от обязанностей члена Политбюро. И мой собеседник сказал: «Теперь у Петра Мироновича нет поддержки в Москве».

Разговор этот я невольно вспомнил два года спустя, увидев необычные кадры алма-атинского телерепортажа. Но можно ли было представить себе, что через 35 дней Машерова не станет?

Была ли случайной его гибель в автокатастрофе под Минском субботним днем 4 октября 1980 года? Случайна ли гибель М. Абдураззакова «при загадочных обстоятельствах»? Или странная смерть Н. Игнатова?

Конечно, никто не вправе, не располагая конкретными данными, определять неслучайность каждого из слагаемых даже этого короткого перечня. Не может этого, тем более, и никто из нас, издавна именуемых «простыми читателями». Но совсем не абстрактную философскую формулу имел в виду Энгельс, утверждая, что «случайность — это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью». А творцам и изобретателям и коррупции необходимо было бороться со всеми, кто противостоят их паразитарности, их «всегда не самоцельному властолюбию, их сказочному обогащению. Их борьба эта велась, как выясняется во все большей степени, ежедневно и ежечасно. Не были случайными ни раздраженная гримаса на ситневском челе генсека маршала или тревожное предостережение Андропова бескомпромиссному чекисту Эдуарду Нордману: «Ты мне живой нужен в Узбекистане...»

Память вновь возвращает к беседе с К. Мазуровым в «Комсомольской правде» (9 сентября 1987 года). Являя Юферова напоминает собеседнику о торжественном заседании в Минске, посвященном 40-летию освобождения Белоруссии: «Когда оглашали президиум и назвали вас — без титулов, вы уже были на пенсии, зал поднялся. Аплодировал минуту, другую, не желая садиться. Непрограммируемые, неуправляемые те аплодисменты, люди надеялись, должны были передать народную признательность вам. И поддержку. На следующий день в официальных отчетах и газетах было все: воспоминания ветеранов, созидательное счастье победы, список президиума. Не было лишь вашей фамилии. До апреля 1985-го оставалось меньше года...»

И вновь, в сопоставлении с этим — судьба Машерова. За пределами Белоруссии светлая память о нем никак не была увековечена. Не вышло ни сборника его выступлений, ни посвященной ему монографии (а разве не достойна она была выйти, к примеру, в известной серии «Жизнь замечательных людей»?); более того — 28 февраля 1988 года, когда отмечалось 70-летие со дня рождения П. Машерова, имя его даже не было упомянуто

на прорастала зловещими метастазами щелоковщины, рашидовщины, чурбановщины, изживаемыми нами по сей день. И не заключено ли одно из парадоксальных проявлений нашей борющейся гласности в том, что мы знаем сегодня гораздо больше об убийстве Сергея Мироновича Кирова, отстоящем от нас на 57 лет, нежели о гибели Петра Мироновича Машерова?

Вопросы, вопросы, вопросы... Будут ли ответы?

Они должны быть. Как говорил Ромен Роллан, «дыхание правды сурово, но чисто». И нужно это не только для заполнения «белых пятен» нашей истории (пятна эти в иных случаях точнее называть черными). Ведь Петр Машеров принадлежит к тем высоким человеческим Личностям, свет которых озаряет и наш сегодняшний многотрудный день и идет дальше, в наше — хочется надеяться — лучшее Завтра.

Владимир БЛОК,
композитор

Необходимый постскриптум.

В январе 1990 года в газете «Московские новости» (№2) появилась публикация «Как погиб Петр Машеров» — интервью со старшим следователем по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Владимиром Калининко, принимавшем участие в расследовании автокатастрофы 4 октября 1980 года. Здесь немало конкретных данных и подробностей. Обо всем этом судить, конечно, не нам, простым пешеходам. Но одно утверждение не может не вызвать вопросов: почему патрульное сопровождение, увидев «вынырнувший из-за МАЗа грузовик... принимает единственно правильное решение — бросок вперед на скорости?»

Ведь сзади оставалась идущая навстречу вынырнувшему грузовику машеровская «Чайка!» Возникает вопрос: было бы возможным подобное «единственно правильное решение», если бы в сопровождаемой «Чайке» ехал Брежнев, Сулов или Черненко? Ведь люди моего поколения в течение десятилетия видели эти парадные выезды в будние дни — когда путь рассчитался от встречного и поперечного транспорта на длительные времена и на большом расстоянии!

Эти строки — не призыв к беспочвенным сомнениям, а призыв к повторному расследованию. Да, прошло время. Но, повторяю, 4 октября 1980-го ближе к нашим дням, чем 1 декабря 1934-го. И есть путь честного и тщательного расследования, уже достаточно апробированный нашим сегодняшним временем. Я имею в виду изучение всех непосредственных и, казалось бы, далеких от этой трагедии обстоятельств, к примеру, компетентной парламентской комиссией Верховного Совета Республики Беларусь. Ведь даже в преамбуле к той же публикации в «Московских новостях», всецело посвященной обстоятельству авткатастрофы, есть и такие, впервые появившиеся в нашей прессе строки: «...Машерова убрали... Его достаточно натянутые отношения с Брежневым, подлинный авторитет в республике дают основания для таких предположений».